

фактически только два бассейна – Подмосковский и Челябинский, на помощь южноуральским шахтерам прибыли войска Первой трудовой армии. В конце 1920 г. были демобилизованы из РККА призывники старших возрастов и квалифицированные горняки, которые пополнили ряды шахтерских кадров. Следствием этих мер стало резкое увеличение объемов добычи, которые в 1920 и 1921 гг. достигли максимальных результатов, в основном за счет открытой добычи из разрезов.

Данные по добыче угля свидетельствуют, что особо серьезного падения производства за исследуемый период не произошло. Так в 1917 г. было добыто 328,3 тыс.т, в 1918 – более 300 тыс., в 1919 – 313, в 1920 – 481,5, в 1921 – 501 тыс.т.³⁶

Если до революции доля Челябинских копей в общероссийской добыче была менее 1%, то уже в 1919 г. из-за общего падения производства угля в стране, вызванного военными действиями в Донском бассейне, доля челябинского угля достигает 3%, а в рекордные 1920 и 1921 гг. превышает 5%. Успехи шахтеров неоднократно отмечались грамотами, премиями и правительственными наградами.

В один из сложнейших моментов гражданской войны южно-уральские горняки своим трудом обеспечили снабжение топливом железных дорог, подконтрольных советской власти, и, тем самым, способствовали успехам Красной Армии. Оценивая роль угля в борьбе за восстановление народного хозяйства на I Всероссийском съезде горнорабочих в 1920 г. Ленин говорил: «...Без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немислимы. Уголь – это настоящий хлеб промышленности, без этого хлеба промышленность бездействует, без этого хлеба железнодорожный транспорт осужден на самое жалкое положение и никоим образом не может быть восстановлен; без этого хлеба крупная промышленность всю стран распадается, разлагается, поворачивает назад к первобытному варварству...»³⁷

Е.Ю. Баранов
Екатеринбург

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ). 1928–1933 гг.*

В годы первых пятилеток продовольственное обеспечение занятого в промышленности, на индустриальных стройках населения стало необходимым условием успеха реализуемой промышленной политики. Но в условиях вызванного индустриализацией роста численности городского населения невыполнение хлебозаготовок, развал внутреннего рынка повлекли за собой ухудшение продовольственного снабжения горожан и изменения модели продовольственного обеспечения.

Сложная ситуация с продовольственным обеспечением сложилась весной – летом 1928 г. в Пермском, Свердловском, Челябинском, Троицком, Ишимском, Курганском, Сарапульском, Тюменском, Шадринском округах Уральской области. В хлебных лавках и кооперативах уральских городов в связи с дефицитом хлеба и ограничением его выдачи образовывались очереди, доходившие до 1000 – 1500 человек. На почве недостатка и дороговизны продуктов участились прогулы, опоздания на работу, случаи ухода с работы, проходили забастовки. Массовые прогулы наблюдались на Верхне-Уфалейском и Нижне-Уфалейском заводах, Арамильской суконной фабрике и других предприятиях Свердловского округа. На Челябинских коях 25 мая на работу не вышло 517 чел., 27 мая

³⁶ Рассчитано по данным: ОГАЧО, Ф.962, Оп.4, Д.25, ЛЛ.1; Панкратов Ю.А., Шолудько И.Г., Эллис А.М. Указ. соч. С.12, 24

³⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.39. С. 305-306.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ проект № 06–01–00331а.

– около 500, в ночные смены не выходило до 40% рабочих. Забастовочные настроения были отмечены на Каслинском металлургическом и Шайтанском химическом заводах «Северохима» в мае – июне 1928 г.³⁸

На недостаток хлебопродуктов в городах местные партийные комитеты отреагировали введением их нормированного распределения среди городского населения. В июне 1928 г. Уральский обком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через Центральный рабочий кооператив рабочим и служащим области, а также членам их семей. В городах и промышленных районах области начала складываться иерархия снабжения городского населения, место человека в которой определялось его участием в индустриальном производстве. Но несмотря на нормированную продажу, продуктов, прежде всего хлеба, в городах не хватало. В сложившихся условиях Политбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1929 г. приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб. Перебои с продовольствием привели к тому, что в 1928/29 г. в промышленных регионах в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться нормирование и карточки на масло, мясо, сахар, крупу и другие продовольственные продукты. Как и в случае с хлебом, нормирование и карточки оформлялись санкциями местной власти³⁹. Но в условиях форсирования индустриального развития власти региона не справлялись с нараставшими продовольственными затруднениями.

Усилия высшего и центрального руководства в первую очередь были направлены на стабилизацию ситуации с продовольствием в индустриальных центрах страны. Преследуя эту цель, СТО 26 января 1930 г. приняло постановление «О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами», которое 15 февраля утвердило Политбюро. Этим постановлением утверждались два списка городов и промышленных районов, в соответствии с которыми определялся порядок их снабжения. Снабжение основными продовольственными продуктами городов и районов, входивших в список №1, производилось в централизованном порядке и из хозяйств потребительской кооперации.

Наркомату торговли СССР и Центральному союзу потребительских обществ следовало обеспечивать снабжение рабочих и их семей городов и районов первого списка в централизованном порядке по твердым ценам. Снабжение основными продовольственными продуктами рабочих и их семей городов и районов второго списка осуществлялось из ресурсов централизованных заготовительных организаций и из ресурсов, получаемых потребительской кооперацией в порядке местных заготовок и из собственных хозяйств кооперации. В первый список из уральских городов и промышленных районов входили Свердловск, Пермь, Мотовилиха, Нижний Тагил, Надеждинский завод, Челябинск, Магнитогорск, Кизел, Лысьва. Алапаевск, Златоуст, Усолье, Кыштым, Карабаш, Калата попали во второй список⁴⁰.

Следующим шагом стало распространение карточной системы на мясопродукты, официально закрепленное Политбюро в июле 1930 г. Ассортимент торговли в 1930 г. в стране резко сузился и свелся к перечню так называемых нормированных товаров: хлеб, мясо, рыба, крупа, растительное масло, сахар. Ненормированные продукты – сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана и прочее – отсутствовали в магазинах неделями или месяцами, и при появлении продавались по нормам⁴¹. Снабжение городов области овощами и картофелем не соответствовало потребностям населения.

³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 29, 31, 41–44.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 59; Оп. 3. Д. 726. Л. 2–4; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 67.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 776. Л. 2, 31, 35, 36.

⁴¹ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 76.

Рабочие и служащие жаловались на дефицит, отсутствие продовольственных продуктов, в особенности хлеба и мяса. Вина за сложившуюся с продовольствием ситуацию возлагалась на советскую власть, партийно-государственное руководство. В Златоустовском округе в марте 1930 г. работниками окружкома были зафиксированы «отрицательные настроения рабочих» в связи с недовольством снабжением: «Мяса и хлеба в кооперативе нет и купить стало нелегко, хотя бы по дорогой цене. Вот до чего дожили при советской власти, скоро с голоду подохнем» (Симский механический завод), «...нам в конце месяца не хватает хлеба, работаем по 3 дня голодаем, на одном чае...» (Бакал, рудники), «...Передохнет весь народ с такой жизнью. Все стали наши-то больные, да хилые. Жиреть-то не с чего. Хлеб дают такой, что его раньше собаки не ели, да его не хватает на месяц» (Сямский завод)⁴².

Регулярное нормированное снабжение городского населения продовольственными продуктами нарушалось по причине недостатка продукции, выпускавшейся местными предприятиями пищевой промышленности, а также плохой организованности аппарата снабжения. В городах не хватало столовых, предприятий общественного питания, плохо был налажен учет снабжаемого контингента. В октябре 1930 г. при проверке столовых Магнитогорская Рабоче-крестьянская инспекция выявила неудовлетворительное качество обедов. Ей не удалось определить точное количество лиц, состоявших на общественном питании, и как выяснилось, ежедневно без обеда оставалось от 100 человек, как минимум, до 200, 300 человек. Местный хлебозавод не обеспечивал потребности населения в хлебе⁴³.

Для стабилизации положения с продовольствием и более четкой регламентации снабжения по решению Политбюро Наркомат снабжения СССР в январе 1931 г. ввел всеозонную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Карточки выдавались только работающим в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. в стране существовало четыре списка снабжения: особый, первый, второй и третий. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли ведущие индустриальные предприятия Урала. Жители промышленных центров должны были получать из фондов централизованного снабжения по карточкам хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца. Внутри каждого списка существовали различные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей⁴⁴. Иерархия снабжения населения оформилась окончательно и получила статус, утвержденный высшим и центральным партийно-государственным руководством.

Но, несмотря на принятые меры, жители уральских городов продолжали ощущать недостаток продовольствия. В начале 1932 г. область испытывала серьезные затруднения со снабжением рабочих продуктами питания вследствие систематического невыполнения предусмотренных центральным руководством планов завоза. Во второй половине мая – первой половине июня 1932 г. область располагала хлебными ресурсами для удовлетворения нужд рабочего снабжения в размере максимум 30 тыс. т, из которых 12,8 тыс. т находилось в неприкосновенном фонде. Подлежащий завозу хлеб из Воронежа, Нижнего Новгорода и из других регионов не отгружался, что ставило под угрозу снабжение рабочих области⁴⁵. Кроме этого, отпуск хлебопродуктов на снабжение предприятий и организаций второго и третьего списков, куда включались пенсионеры, студенты, специалисты села, зависел от поступления гарцевого сбора. Это еще больше ухудшало продовольственное положение этой категории, так как в условиях голода,

⁴² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-317. Оп. 1. Д. 955. Л. 70, 71об.

⁴³ Челябинская область, 1917–1945: Сб. док-тов и мат-лов. Челябинск, 1999. С. 144–145.

⁴⁴ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 41.

постигшего уральскую деревню, заготовки не выполнялись. Наиболее нестабильными в отношении снабжения профессиональными группами в области являлись учителя, медицинские, научные работники, служащие, студенты ВУЗов и техникумов, пожарники.

Советское государство с помощью карточной системы снабжения не смогло в должной мере обеспечить продовольствием городское население. Выдача карточек задерживалась. В закрытых рабочих кооперативах и отделах рабочего снабжения не хватало продуктов, чтобы обеспечить весь контингент. В то же время карточная система рассматривалась руководством страны как вынужденная, временная мера, тем более что планы централизованного снабжения не выполнялись. И уже в феврале 1932 г. XVII конференция ВКП(б) поставила задачу подготовить отмену нормирования продовольствия в течение второй пятилетки. Вскоре были упразднены карточки на яйца, молоко, сыр и многие сорта рыбы. Нормирование осталось на основные продукты питания – муку, хлеб, крупу, мясо, сельдь, растительное и животное масло и сахар. В условиях продовольственного кризиса, голода партийно-государственный аппарат вынужден был обратиться к рыночному механизму продовольственного обеспечения населения, лимитировав его действие. В мае 1932 г. были легализованы колхозные рынки. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР разрешалась рыночная торговля, сельскохозяйственной продукцией после выполнения заготовительных планов. Рыночную торговлю следовало прекращать с началом нового урожая. Однако в реальной жизни сроки рыночной торговли не соблюдались⁴⁶.

Повышенный спрос на продовольствие в условиях голода обусловил введение коммерческой (свободной) торговли хлебом. С 15 сентября 1933 г. она разрешалась в Свердловске, Магнитогорске, Челябинске, Перми. Розничные цены на хлеб в этих городах устанавливались вслед за Москвой, Ленинградом на ржаной хлеб – 2 руб. 50 коп. за 1 кг, а на пшеничный – 4 руб. 5 октября 1933 г. свободная торговля печеным пшеничным и ржаным хлебом открывалась в Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске, Тобольске. Для свободной продажи хлеба в городах создавалась сеть специальных магазинов и ларьков⁴⁷. В ряде городов организация свободной продажи хлеба способствовала ликвидации спекуляции хлебопродуктами, что повлияло на разрешение коммерческой торговли хлебом в других городах. Отрицательным результатом разрешения коммерческой торговли хлебом стало снижение его качества и сокращение объемов, отводимых на карточное снабжение. Но в результате данного шага советского руководства городское население области получило дополнительную возможность приобретения хлеба.

Таким образом, основными особенностями сформировавшейся в условиях форсированной индустриализации модели продовольственного снабжения населения стали централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению. Индустриальный прагматизм советского руководства проявился как в иерархии снабжения населения, так и в организации торговли, когда при разрешении коммерческой продажи хлеба приоритет имели крупные индустриальные города. Но продовольственной проблемы городского населения не решили ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба, хотя в совокупности они позволили горожанам в отличие от уральских селян избежать голода.

⁴⁶ Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР 1934–1935 годы // Отеч. история. 1999. № 5. С. 88–89; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 61; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 150–151.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 30, 31; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3307. Л. 61.